

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИСТИНЫ В КОНЦЕПЦИИ Р. КАРНАПА И ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ*

Куслий Петр Сергеевич – PhD по лингвистике, исследователь на кафедре английской филологии философского факультета Гёттингенского университета им. Георга Августа, Германия, 37073, г. Гёттинген, Кете-Хамбургер-Берг 3; e-mail: kusliy@yandex.ru

Веретенников Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: and.veret@gmail.com

Статья представляет собой формально-семантический анализ так называемых аналитических истин на материале их обсуждения Р. Карнапом и на основе анализа некоторых эмпирических данных, которые не вполне удовлетворительно объясняются теорией Карнапа. Предлагается теоретическая реконструкция теории аналитических истин Карнапа. Показывается, как именно его понимание аналитических истин распространяется исключительно на искусственные языки логики и поэтому оказывается защищенным от известной критики У. Куайна. Эта критика указывала на сложности определения таких понятий, как аналитичность, синонимия, смысл для естественных языков. Производится теоретическая реконструкция экспликации Карнапом упомянутых понятий теории смысла для естественных языков. Устанавливается связь подхода Карнапа с перспективой современной формальной семантики. Далее исследуются некоторые проблемные случаи, связанные с истинностью аналитических утверждений даже в тех ситуациях, когда они не должны иметь никакого истинностного значения из-за содержащегося в них провала предположения. Исследуются сложности, которые эти случаи представляют для концепции Карнапа. Предлагается объяснение аналитических истин как содержащихся в своей логической форме непроизносимый квантор по возможным мирам (ситуациям). Утверждается, что данное объяснение способно решить проблему рассмотренных сложных случаев и выявить более удовлетворительное понимание логической формы аналитических истин в естественном языке.

Ключевые слова: аналитические истины, формальная семантика, Карнап, ситуационная семантика, возможные миры

* Исследование выполнено А.А. Веретенниковым при поддержке РФФ, проект № 22-78-10171 (Трансдисциплинарная концептуализация научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса).

ANALYTICAL TRUTHS IN R. CARNAP'S THEORY AND IN NATURAL LANGUAGE

Petr S. Kusliy – PhD
in Linguistics, Researcher
at the Seminar for English
Philology of the Philosophical
Faculty of the University
of Göttingen.
3 Käte-Hamburger-Weg,
37073, Göttingen, Germany;
e-mail: kusliy@yandex.ru

Andrey A. Veretennikov –
PhD in Philosophy, Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization "Russian Society
for the History and Philosophy
of Science".
1/36 Lyalin Lane, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: and.veret@gmail.com

The article presents a critical semantic analysis of the so-called analytical truths as they were discussed by R. Carnap and building on some new empirical data that are not fully satisfactorily explained by Carnap's theory. A theoretical reconstruction of Carnap's theory of analytical truths is proposed. It is demonstrated how his understanding of analytical truths, as statements that are true in all possible worlds and amenable to a quite obvious definition on a par with the concepts of sense (meaning) and synonymy, applies exclusively to artificial languages of logic. Therefore, Carnap's theory remains unreachable for the well-known criticism of W. Quine, who, in turn, pointed out the difficulties in defining these concepts for natural languages. A theoretical reconstruction of Carnap's explication of the mentioned concepts in the theory of meaning for natural languages is carried out. The connection of Carnap's approach with the perspective of contemporary formal semantics is established. Subsequently, problematic cases and the difficulties they pose for Carnap's concept are examined. An explanation is proposed for analytical truths as containing in their logical form an (unpronounced) quantifier over possible worlds (situations).

Keywords: analytical truths, formal semantics, Carnap, situation semantics, possible worlds

1. Введение

Как хорошо известно, Р. Карнап (как и многие другие члены Венского кружка) основывал немалую часть своей эмпирически ориентированной философской концепции на различии аналитических и синтетических истин. Первые считались не зависящими от тех или иных эмпирических фактов и вследствие этого бессодержательными. Поэтому принятие этих истин не требовало допущения существования каких-либо сущностей, которых нельзя найти в эмпирическом мире, или какой-то иной связи со сферой эмпирического опыта. Истины синтетические считались претендующими на содержательную ценность и были доступны верификации в силу своей фундированности в эмпирическом опыте и (в рамках некоторых подходов) обязывающими тех, кто их формулирует, к допущению существования описываемых объектов. Таким образом, формулировалась философско-научная концепция, в рамках которой онтологические обязательства (научной) теории зависели исключительно от того, что утверждалось в ее так называемых синтетических, нетривиальных утверждениях.

Теоретические истины рассматривались либо как индуктивные и, следовательно, редуцируемые к утверждениям о реальности (т.е. как верифицируемые эмпирически), либо как не утверждающие ничего об этой реальности в силу своей общезначимости.

У. Куайн, как известно, подверг эту концепцию критике, проведя важное различие между истинами логики, с одной стороны, которые не являются синтетическими исключительно в силу своей формы, и подлинными аналитическими истинами, с другой, которые выполнялись не в силу формы, а в силу содержания входящих в них слов (см., например, [Куайн, 2000; Куайн, 2010]). Куайн приложил немало сил, чтобы показать, что природа аналитических истин не полностью оторвана от сферы эмпирического. В частности, согласно аргументации Куайна, провозглашаемое в таких истинах тождество значений экспланандума и эксплананса опирается на факт признания этих значений тождественными, установление которого требует эмпирического опыта. Иными словами, если истинность аналитического утверждения «Холостяк – это неженатый мужчина» опирается на некий предполагаемый постулат значения, согласно которому «быть холостяком = быть неженатым мужчиной», то сам этот постулат оказывается не таким уж и очевидным, ведь для его понимания и признания истинным нужно сначала получить предварительный контакт со сферой эмпирического. Согласно Куайну, только при наличии эмпирического опыта (а не просто вследствие умозрительного манипулирования какими-либо абстракциями) можно осознать содержание каждого из этих двух выражений («быть холостяком» и «быть неженатым мужчиной») и прийти к заключению, что это содержание тождественно.

Куайновская критика аналитических истин затрагивала целый комплекс эпистемологических, онтологических и философско-научных проблем, породив не только его известную дискуссию с Карнапом, но и многие последующие дискуссии в сфере эпистемологии и философии науки XX и даже XXI в.

В данной работе мы намерены исследовать понятие аналитических истин не с точки зрения эпистемологии или философии науки, а с точки зрения лингвистики (формальной семантики). Будет предложен критический анализ того понимания этого понятия, которое транслировалось Карнапом и во многом было распространено среди его единомышленников и последователей. Представленная в работе аргументация излагается в следующем порядке. В разделе 2 предлагается теоретическая реконструкция карнаповского анализа аналитических истин и показывается, что, во-первых, теория Карнапа была в своем основном содержании неуязвима для предложенной Куайном критики, а во-вторых, что она может быть применена не только к искусственным языкам, но и к естественным. В разделе 3 предлагаются сложные случаи для карнаповской концепции аналитических

истин, где показано, что она не объясняет причину, по которой аналитические утверждения оказываются истинными, даже если они содержат провал в пресуппозиции. В разделе 4 предлагается решение описанной проблемы, согласно которому логическая форма аналитических предложений содержит квантор по возможным ситуациям. В разделе 5 исследуются аналитические условные утверждения. Раздел 6 предлагает заключение.

2. Карнап об аналитических истинах в искусственных и естественных языках

Обозначенная выше атака на карнаповскую концепцию аналитических истин со стороны Куайна не представляется полностью необоснованной. В «Значении и необходимости» (1947) Карнап открыто проводит параллель между принимаемым им понятием L-истины и аналитическими истинами, понимаемыми в смысле Канта. Карнап определяет L-истинные предложения следующим образом: «Предложение S_i L-истинно в семантической системе S , если и только если S_i истинно в S таким образом, что его истинность может быть установлена на основе одних лишь семантических правил системы S , без всякой отсылки на (внеязыковые) факты» [Карнап, 1959а, с. 40]. При этом он пишет: «“L-истинно” мыслится как предикат для того, что Лейбниц называл необходимо истинным, а Кант – аналитически истинным» [Там же, с. 38]. «Подлежащие теперь определению L-понятия вводятся как экспликации для известных понятий, которыми философы пользовались на протяжении долгого времени без удовлетворительного их определения. Наше понятие L-истинности вводится, как указано выше, в качестве экспликата для хорошо знакомого, но неточного понятия логической, или необходимой, или аналитической истинности, как экспликанды» [Там же, с. 40]. Данные пассажи, разумеется, дают основание понимать развиваемую Карнапом концепцию как относящуюся к аналитичности, синонимии, общности смысла в естественных языках. Именно данное понимание и стало объектом куайновской критики.

В «Постулатах значения» (1952) Карнап, как известно, дает свой ответ на эту критику, впрямую указывая, что его концепция аналитичности была направлена не на естественные языки, а на искусственные. Карнап пишет: «Целью этой статьи является описание способа экспликации понятия аналитичности (т.е. истинности, основанной на значении) в рамках семантической системы, посредством использования того, что мы будем называть постулатами значения... Наша экспликация будет относиться к семантической языковой системе, а не к естественным языкам... Мне кажется, что проблемы

экспликации понятий этого рода для естественных языков имеют совершенно другую природу» [Карнап, 1959б, с. 321–322].

Искусственные языки – это формализованные системы, отличающиеся от естественных языков четкой и эксплицитной формулировкой правил грамматики и интерпретации, которые в них используются¹. Аналитичность (общность смысла) в таких языках, как уже указано в приведенной выше цитате, задавалась через постулаты значений². Согласно Карнапу, постулаты значений (смыслов) – это сформулированные в объектном языке конвенции. Например: «Холостяк – неженатый мужчина». В силу этих конвенций (постулатов) утверждения «Молодой холостяк ищет образованную спутницу жизни» и «Молодой неженатый мужчина ищет образованную спутницу жизни» являются логически эквивалентными (т.е. в рамках семантической системы, содержащей подобный постулат, находятся в том же статусе, что и логические истины, общезначимый статус которых обусловлен исключительно их формой и значением содержащихся в них логических связей. Таким образом, согласно Карнапу, в искусственных языках вопрос о природе аналитических истин и принципах их выявления получает тривиальный ответ: они эксплицитно заданы соответствующими постулатами или обусловлены ими³. И поскольку сформулированная

¹ Установка на построение таких языков, начиная как минимум с фрегевского «Исчисления понятий» (1979) [Фреге, 2000а], исходила из того, что естественные языки страдают от непроясненности или даже нечеткости и многозначности их логической структуры формулируемых в них предложений. Поэтому, согласно указанной установке, строго научное изучение логической семантики естественных языков невозможно. Как следствие, основное внимание исследований в области семантики следовало уделять языкам искусственным.

² Здесь и далее мы используем термины «смысл» и «значение» как взаимозаменяемые и относящиеся к тому, что Фреге понимал как смысл (Sinn), но что в англоязычной литературе стало часто обозначаться с помощью термина “meaning”. К сожалению, фрегевское понятие Bedeutung, которое тот противопоставлял понятию Sinn, на русский язык тоже переводится как «значение». Получается, что термин «значение» используется в русскоязычных текстах для обозначения как фрегевского Sinn, так и фрегевского Bedeutung. В 2000-е гг. в отечественном философском сообществе велись горячие споры вокруг употребления терминов «значение», «пропозиция», «суждение» и некоторых других. Мы бы не хотели здесь возвращаться к этим сюжетам, поэтому везде, где речь идет о фрегевском Bedeutung, мы используем термин «денотат». Также мы используем термин «семантическое содержание» как общее понятие, включающее себя и смысл, и денотат.

³ В последующей литературе постулаты значений также использовались для уточнения содержания отдельных терминов искусственного языка, которое требовалось для конкретных задач, ради которых указанный язык был изначально построен. Так, в системе РТQ Р. Монтегю постулаты значений использовались в языке интенциональной логики для придания отдельным выражениям исключительно экстенциональной интерпретации (см. [Montague, 2002 (1973), p. 28]).

Куайном критика, по мнению Карнапа, была связана с непроясненностью понятия аналитичности для естественных, а не искусственных языков, она не могла рассматриваться в качестве легитимной.

Вопрос о понятии аналитичности в естественных языках Карнап рассматривает отдельно в статье «Значение и синонимия в естественных языках» (1955). Здесь он еще раз подчеркивает ложную направленность той критики его концепции, которая опирается на непроясненность понятия аналитичности в естественных языках, сферу изучения которых он называет «сферой прагматики» и противопоставляет сфере семантики (т.е. сфере исследования языков искусственных) [Карнап, 1959в, с. 334]. Карнап пишет: «Я не думаю, что для того, чтобы быть плодотворным, семантическое понятие необходимо должно иметь предшествующий прагматический коррелат» [Там же, с. 337].

Поскольку в естественных языках смыслы (значения) не даны эксплицитно в виде постулатов, их идентификация, согласно Карнапу, становится отдельной задачей научного поиска. Карнап указывает, что понимать смыслы естественно-языковых выражений можно либо бихевиористски (т.е. в терминах диспозиций пользователя), либо структурно-аналитически (т.е. в терминах описания психофизического состояния индивида, знающего то или иное значение (или правило), обуславливающее аналитичность). С последним пониманием Карнап связывает большие надежды, однако указывает также на невозможность реализации соответствующего проекта на уровне современной ему физиологической науки.

Центральным аспектом возражений Карнапа на куайновскую критику, который будет важен и для нашего дальнейшего рассуждения, оказывается обращение к анализу в терминах возможных миров (в терминологии Карнапа – описаний состояния (state descriptions)) для выявления аспектов семантического содержания естественно-языковых выражений. Возражая Куайну, Карнап указывает, что для Куайна и его последователей вопрос об идентификации смысла того или иного естественно-языкового выражения (или общности смыслов двух выражений) – это не вопрос, ответ на который может быть правильным или неправильным. Причина этому в том, что Куайн называл «неопределенностью перевода» [Куайн, 2005], т.е. недостаточности эмпирического опыта для точной идентификации смысла. Карнап возражает: рассмотрение значения одного и того же выражения в разных возможных мирах (а не только в мире его непосредственной семантической оценки) способно обусловить возможность правильного или неправильного ответа. В качестве иллюстрации Карнап приводит следующий пример. Возможно, действительный мир интерпретации не способен дать нам эмпирические основания различить (i) и (ii) в качестве действительного смысла для (немецкого) слова „Pferd“: (i) лошадь, (ii) лошадь или единорог, поскольку в действительном мире единорогов нет, а следовательно,

нет и возможности эмпирически установить, идет ли речь о менее содержательном (i) или же о более содержательном (ii). Однако обращение к возможным мирам, как указывает Карнап, легко позволяет это сделать: если в мирах, где существуют единороги, „Pferd“ обозначает и их, и лошадей, то, значит, смысл слова дан в (ii). Если же и в таких мирах „Pferd“ обозначает только лошадей, то его смысл задается в (i). Разумеется, для подобной проверки не нужно никак специально «переноситься» в другие возможные миры: «Лингвист мог бы просто описать... единорога... выражениями, соответствующими, например, такой формулировке... “вещь, похожая на лошадь, но имеющая один рог посреди лба”. Или, наконец, он мог бы просто показать картинку с изображением единорога» [Карнап, 1959в, с. 341–342].

Таким образом, можно заключить, что для Карнапа понятие смысла (значения) языкового выражения, обуславливающее аналитичность, перевод, синонимию, существовало в качестве некоего самостоятельного и научно идентифицируемого единства как в искусственных, так и в естественных языках, с той лишь разницей, что в языках первого типа смысл эксплицитно устанавливался конвенциональным способом, а в языках второго – был представлен аспектами поведения субъекта или его физиологического состояния.

3. Проблема объяснения причины истинности аналитических истин

Современные исследования в области формальной семантики естественных языков не опираются на проводившееся Карнапом противопоставление искусственных и естественных языков в той мере, в какой это делал Карнап, а развивают программу Р. Монтегю, сочетая ее с формальным синтаксисом школы генеративной грамматики Н. Хомского (см. описание данной программы, например, в [Вострикова, Куслий, 2016], а также в цитируемой там литературе). В этих исследованиях естественный язык рассматривается как формализованная система: логическая форма (или логическая структура) выражений (того или иного) естественного языка рассматривается как выражимая эксплицитным образом⁴. Данное направление исследований

⁴ Формальная семантика как проект, объединяющий исследовательскую программу Монтегю и Хомского, предполагает, что логическая форма предложения (LF – от logical form) – это один из генерируемых уровней синтаксической репрезентации. И именно к этому уровню применяется интерпретирующая функция, которая в результате дает условия истинности соответствующего предложения (см. [Heim, Kratzer, 1998]). При этом в философской традиции как минимум

ориентировано на выявление структурных аспектов значения (смысла) естественно-языковых выражений (т.е. демонстрацию того, каким именно образом семантическое содержание составных конструкций оказывается производным от семантического содержания их составных частей и способа их сочетания друг с другом). Структурно невыразимая природа значений (смыслов) лексических единиц не является объектом исследования в рамках этой программы. Поэтому в рамках данной программы (в отличие от программы лексической семантики) семантическое содержание лексических единиц рассматривается как изначально данное. Тем не менее в рамках исследований структурных аспектов значения естественно-языковых выражений данная программа может рассматриваться как продолжение той же исследовательской программы, что и реализовавшаяся Карнапом. И именно с этой точки зрения мы далее критически проанализируем концепцию аналитических истин Карнапа.

Карнап утверждал, что аналитические истины, подобно истинам логики, выполняются во всех возможных мирах (описаниях состояния): «Как же должны мы определить L-истинность?.. Способ определения подсказывается концепцией Лейбница, согласно которой необходимая истина должна выполняться во всех возможных мирах. Так как наши описания состояния представляют возможные миры, то это значит, что предложение логически истинно, если оно выполняется во всех описаниях состояния» [Карнап, 1959а, с. 41]. Данное утверждение мы считаем верным, однако не по тем причинам, в силу которых о нем часто принято так думать. Чтобы увидеть, в чем здесь суть дела, рассмотрим предложение (1):

- Самый маленький в мире единорог идет вдоль Гончарной улицы.

Это предложение – обычное экстенциональное утверждение, и его истинностное значение проверяется сопоставлением его содержания с тем, что, собственно, имеет место в ситуации, в которой данное предложение оценивается. Каково истинностное значение этого предложения? Первое, что можно сказать и сказать вполне определенно, это то, что данное предложение не является истинным.

Мы помним известный спор Б. Рассела и П. Стросона [Russell, 1905; Russell, 1957; Strawson, 1950] о том, является ли такое предложение, как (1), ложным (позиция Рассела) или, скорее, вообще не обладающим истинностным значением в силу «провала пресуппозиции»,

со времен Б. Рассела под логической формой предложения подразумеваются скорее сами условия истинности, а не некая промежуточная синтаксическая репрезентация. Чтобы не усложнять наше рассуждение синтаксическими структурами, в данной статье мы, говоря о логической форме, будем иметь в виду скорее условия истинности. Для простоты изложения представлять их мы будем в виде парафразов.

т.е. невыполнения закодированного в определенной дескрипции *самый маленький в мире единорог* предварительного условия о том, что описываемый объект должен существовать (позиция Стросона). Однако для наших целей разрешения данного вопроса даже не требуется. Нам достаточно согласиться с тем, что (1) не является истинным в самой обычной ситуации оценки: ведь сейчас вдоль Гончарной улицы никакие единороги не идут.

Рассмотрим теперь вариант аналитического предложения про самого маленького в мире единорога⁵:

- Самый маленький в мире единорог является конем с рогом во лбу.

Что можно сказать про значение истинности предложения (2) в той же самой ситуации (в том же мире), в которой мы оценивали предложение (1)? По-видимому, предложение (2) можно признать истинным, причем невзирая на то обстоятельство, что никаких единорогов в указанной ситуации как не было, так и нет. Иными словами, определенная дескрипция *самый маленький в мире единорог* все так же не указывает ни на какой объект в ситуации оценки (2), однако теперь это уже не мешает данному предложению иметь значение Истина. Почему так?

В качестве первого и лежащего, казалось бы, на поверхности возможного объяснения того, почему в одной и той же ситуации отсутствия каких-либо единорогов (2) может быть истинным, а (1) нет, можно рассмотреть следующее: в предложении (2) речь идет скорее о языковых выражениях «единорог» «конь с рогом во лбу» и тех значениях, которыми они обладают, а не просто об их денотатах, как это имеет место в случае с (1). И вследствие этой особенности предложения (2) его истинное значение независимо от того, есть ли в ситуации (мире) оценки единороги или нет.

Назовем такое объяснение «металингвистическим». В рамках данной работы мы будем рассматривать такое объяснение в качестве неудовлетворительного⁶. И причина этому даже не в сложности задачи представления систематического объяснения того, почему здесь речь вдруг идет не про объекты, а про слова, т.е. почему вдруг входящие в предложение слова начинают описывать самих себя, а кавычки при этом не используются. Важная причина сложности и неудовлетворительности подобного анализа была сформулирована Г. Фреге для сходного случая в его основополагающей работе «О смысле

⁵ Данное предложение отличается от предложений типа «Холостяк – это неженатый мужчина» тем, что не представляет собой определение, предполагающее тождественность содержаний экспланандума и эксплананса. Однако истинность данного предложения точно так же следует из содержания составляющих его терминов, и поэтому оно тоже является аналитическим.

⁶ Однако см. [Krifka, 2013].

и значении» (1892) [Фреге, 2000б]. В предложении (2) речь идет не о словах, а именно об их содержании. В этом легко убедиться потому, что условия истинности (2) существенным образом отличаются от условий истинности (3), где речь как раз идет о словах, которые приводятся в кавычках⁷:

- Денотат выражения «самый маленький в мире единорог» обладает свойством, обозначаемым выражением «быть конем с рогом во лбу».

Предложение (3), в отличие от (2), не является аналитическим. Оно не истинно во всех возможных мирах, ведь то, какие слова каким значением обладают, действительно, довольно случайная вещь. Можно представить ситуацию, в которой какое-то из заковыченных слов имеет другое значение в русском языке (или у одного и того же слова имеется несколько значений), и в такой ситуации, действительно, все объекты сохраняют самотождественность, а вот слова, указывающие на них, будут уже другими. Таким образом, мы не можем рассматривать (2) как описывающее слова. В предложении (2) речь идет именно о единороге. И именно под такой призмой мы будем рассматривать проблему различия истинностных значений предложений (1) и (2) в одной и той же ситуации отсутствия каких-либо единорогов.

Далее обратимся к карнаповскому пониманию аналитических истин и так называемых постулатов значений, которые, собственно, обеспечивают истинность аналитических истин. Карнап, как мы видели, указывает, что аналитические истины – это выражения, являющиеся истинными во всех возможных мирах (описаниях состояний). Постулат значения – это общезначимое высказывание, задающее содержание того или иного термина. Так, утверждение «Если Джек холостяк, то он не женат» [Карнап, 1959б, с. 321] оказывается аналитическим в силу постулата значения, утверждающего, что для каждого x : если x холостяк, то x неженатый [Там же, с. 324].

Из этого следует, что такая аналитическая истина как (2) тоже должна выполняться во всех возможных мирах в силу такого постулата значения как (4):

- Всякий x таков, что если x – самый маленький в мире единорог, то x является конем с рогом во лбу.

Постулаты значения, согласно Карнапу, вводятся конвенционально из соображений, не имеющих отношения к устройству языковой системы [Там же, с. 325]. Из сказанного следует, что (2) является истинным в силу истинности (4).

⁷ Ср. проводившееся Куайном различие между использованием (use) и упоминанием (mention) языковых выражений [Quine, 1981, p. 23–26].

Здесь, однако, имеется, как кажется, некоторая проблема. В мире (ситуации), где отсутствуют единороги, предложение (4) может все еще быть истинным (в силу особенностей материальной импликации такое предложение будет ложно только в тех случаях, когда антецедент истинен, а консеквент ложен). Иными словами, даже если в ситуации рассмотрения нет такого x , который являлся бы самым маленьким единорогом, то предложение (4) все равно может рассматриваться в качестве истинного. Но каким образом истинность (4) может обусловить истинность (2) в рассматриваемой ситуации? Предложение (2) начинается с определенной дескрипции i , в отличие от (4), не подразумевает квантификации по индивидуальным объектам и не содержит выражения, интерпретируемого в терминах материальной импликации. Более того, предложение «Если x – самый маленький в мире единорог, то он идет по Гончарной улице» тоже может в обсуждаемой ситуации рассматриваться как истинное, но из этого же не следует истинности утверждения «Самый маленький в мире единорог идет по Гончарной улице».

Таким образом, остается не до конца понятным, почему в мире (ситуации), где нет единорогов, аналитическое утверждение (2) оказывается истинным. Истинность постулата типа (4) нам здесь явным образом помочь, похоже, не может. Соответственно, непонятно и то, в каком смысле можно говорить об истинности аналитических суждений во всех возможных мирах. Если мы не знаем, почему (2) истинно в нашем мире (где нет единорогов), то мы не знаем и того, почему оно может быть истинным во всех мирах.

4. Предлагаемое решение: аналитические истины как модальные утверждения

Чтобы увидеть, в чем может заключаться отличие (1) от (2), достаточно предположить, что в (1) речь идет о ситуации (мире) семантической оценки (этот мир в нем описывается), а в (2) – нет. При этом сказанное не означает, что в (2) речь идет о словах: входящие в это предложение слова продолжают интерпретироваться на области предметов. Речь в аналитических предложениях типа (2) не будет идти о ситуации оценки (и составляющих ее предметах), если такие предложения будут рассматриваться как предполагающие квантификацию по возможным мирам (ситуациям), совместимым с текущей ситуацией оценки контекстуально релевантным способом, но не обязательно тождественным ей, и соответствующее утверждение будет в них делаться именно об этих возможных ситуациях.

Иными словами, суть предлагаемого решения заключается в том, что предложения типа (2) похожи на предложения типа (5) с той лишь разницей, что в предложениях типа (5) квантификационное наречие «всегда» или «в любом случае» произносится, а в предложениях типа (2) оно не произносится, а просто подразумевается.

- Самый маленький в мире единорог {всегда / в любом случае} является конем с рогом во лбу.

Первым доводом в пользу такого видения оказывается то обстоятельство, что предложение (5) никак заметно не отличается от (2) по своему семантическому содержанию. Заметим, что в случае с предложением (1) дела обстоят иначе. Добавление такого наречия в предложение (1) порождает предложение (6), семантическое содержание которого заметно отличается от содержания (1).

- Самый маленький в мире единорог {всегда/в любом случае} идет по Гончарной улице.

Отталкиваясь от анализа квантификационных наречий Д. Льюиса [Lewis, 1975], мы анализируем логическую форму предложения (2) и предложения (5) одинаковым образом, как показано в (7):

- Всякая ситуация s' , принадлежащая множеству ситуаций, совместимых с текущей ситуацией s_0 контекстуально релевантным образом S , такова, что самый маленький в мире единорог в s' является конем с рогом во лбу в s' .

Получается, согласно предложенному здесь подходу, мы предполагаем, что в логической форме предложения (2) содержится модальный оператор по возможным мирам (ситуациям) *Op*, сходный по своей семантике с естественно-языковыми выражениями «всегда», «в любом случае».

Данная картина существенным образом отличается от того, что предлагает нам Карнап. Говоря об истинности аналитических предложений типа (2) во всех возможных мирах, он (насколько можно понять его текст) продолжает их рассматривать как атомарные утверждения. Однако если они являются атомарными утверждениями, т.е. описывающими текущую ситуацию оценки, то совершенно непонятно, почему (2) может быть истинным в ситуации, где нет ни одного единорога. Если же в этих предложениях речь идет о ситуациях, по которым пробегает квантор *всегда*, то тогда нам вовсе не нужно удивляться, почему отсутствие в текущей ситуации оценки единорогов никак не влияет на истинностное значение (2).

Что же это за ситуации, «совместимые с текущей ситуацией контекстуально релевантным образом»? В принципе, здесь речь идет о вполне стандартном в современном теоретическом языкознании семантическом анализе модальных предикатов, восходящем к [Kratzer, 1986]. Рассмотрим в качестве иллюстрации пример (8):

- Иван должен быть дома в шесть часов.

В этом модальном утверждении описываемое долженствование может быть связано либо с правилом, либо с ожиданиями, либо еще с какими-то контекстуально подразумеваемыми принципами или законами. Именно эта допускаемая в модальных предложениях неточность относительно так называемой *модальной базы* и является контекстуально зависимым компонентом. Предложения типа (8) в рамках анализа Кратцер тоже анализируются как предполагающие квантификацию по возможным мирам (ситуациям):

- Всякая ситуация s' , принадлежащая множеству ситуаций, совместимых с текущей ситуацией s_0 контекстуально релевантным образом C , такова, что Иван должен быть дома в s' .

При этом роль мира оценки всего предложения (т.е. так называемого действительного мира) здесь тоже важна: ведь речь идет о мирах (ситуациях), совместимых с теми правилами, ожиданиями и т.п., которые применяются в действительном мире (т.е. в ситуации оценки).

О каких же ситуациях, «совместимых с текущей ситуацией контекстуально релевантным образом», может идти речь в случае с аналитическими истинами? В данном случае, похоже, речь идет о мирах (ситуациях), в которых выполняются правила, представленные карнаповскими постулатами значения. Ведь, с точки зрения Карнапа, принятие тех или иных постулатов значения является следствием решения, принимаемого создателем соответствующей семантической системы, а потому по своей сути носит случайный характер⁸.

Почему модальный оператор, присутствующий в аналитических истинах, может быть произносимым? Ведь такое предложение, как (1), нельзя проинтерпретировать как содержащее произносимый модальный оператор. Ведь если мы хотим рассматривать утверждаемое в (1) не применительно к текущей ситуации, а применительно к каким-то другим ситуациям, мы должны открыто вводить соответствующий оператор, произнося не (1), а что-то типа (6). Ответ на этот вопрос, видимо, следует из того, что сама форма аналитического утверждения (где отношение смыслов видно всякому компетентному собеседнику на этапе формулировки) зачастую позволяет

⁸ Ср.: Карнап пишет: «Допустим, что автор системы хочет, чтобы предикаты “В” и “М” обозначали свойства Холостяк и Женатый соответственно. Откуда он знает, что эти свойства несовместимы и что поэтому он должен сформулировать постулат Р? Это вопрос не знания, а решения. Его знание или мнение, что слова обычного языка “холостяк” и “женатый” всегда или обычно понимаются таким образом, что они оказываются несовместимыми, может повлиять на его решение, если он имеет намерение отразить в своей системе некоторые отношения значений слов английского языка. В данном случае это влияние относительно ясно, но в других случаях оно бывает гораздо менее ясным» [Карнап, 1959б, с. 324–325].

понять, что речь в нем может идти о некоем регулярном, закономерном положении дел, а не о случайном, единичном факте⁹.

В результате мы получаем взгляд на аналитические истины в естественном языке как на модальные утверждения, где модальный оператор, присутствующий в логической форме и влияющий на условия истинности утверждения, не произносится. Это позволяет нам объяснить, почему истинность (2) совместима с отсутствием в ситуации оценки единорогов. Более того, становится более понятно, о каких мирах может идти речь, когда мы говорим об истинности аналитических утверждений во всех возможных мирах. По-видимому, речь может идти обо всех мирах, совместимых контекстуально понятным образом с миром оценки.

5. Аналитические условные истины

Выше мы предложили анализ аналитических истин как содержащих в своей логической форме модальный оператор. При этом мы сказали, что речь в таких утверждениях не идет непосредственно о той ситуации, в которой данное аналитическое (модальное) утверждение оценивается. Здесь интересным наблюдением является то, что сам Карнап [Карнап, 1959б, с. 321] в качестве примера аналитического высказывания рассматривает условное утверждение (10):

- Если Джек холостяк, то он не женат.

Интересность данного наблюдения заключается в том, что частное (в терминологии Карнапа – атомарное) утверждение типа (11) не воспринимается так уж легко в качестве аналитического:

- Холостяк Джек не женат.

Согласно нашим языковым интуициям, в таком предложении, как (11), имеет место скорее просто утверждение о том, что Джек не женат. А вводящееся здесь пояснение «холостяк Джек» скорее оказывается способом (коммуникативно не вполне удачным) иденти-

⁹ А. Коэн, обсуждая законообразные утверждения и, в частности, дефиниции, указывает, что к таковым относятся только те утверждения, относительно которых контекстуально понятно, что они выражают некоторую закономерность. Если же содержание утверждения не может контекстуально быть воспринятым как выражающее некое правило, то утверждение получает исключительно атомарную интерпретацию [Cohen, 2001, p. 205]. М. Крифка указывает, что подразумеваемая в аналитических предложениях закономерность (необходимость утверждаемого соотношения экспланандума и эксплананса) дает возможность прагматически выражать то обстоятельство, что они могут обозначаться разными терминами [Krifka, 2013].

фицировать индивида, которому приписывается случайное свойство быть неженатым. Здесь использование имени собственного «Джек» уже достаточным образом (с семантической точки зрения) идентифицирует конкретного индивида. Уточнение «холостяк» может в лучшем случае функционировать здесь как аппозитив (вводное выражение), подобно происходящему в конструкции (12):

- Джек, который является холостяком, не женат.

Как несложно заметить, (12), как и (11), не воспринимается в полной мере в качестве аналитического утверждения. Оно скорее похоже на повторное утверждение одного и того же факта в рамках единого атомарного утверждения.

Причина этих особенностей заключается в том, что в (11) речь идет о конкретном индивиде Джеке. Общий характер тех законов, которые, как предполагается, выражают аналитические истины, сложно выражать предложениями про конкретных индивидов, т.к. закон, получается, распространяется только на них. Поскольку таких законов нет (или они нетипичны), то и понимание (11) как содержащего в своей логической форме описанный выше модальный оператор кажется неправдоподобным. Подобные эффекты обсуждались в лингвистической литературе как минимум со времен [Burton-Roberts, 1977]. Более того, даже такое утверждение о конкретном индивиде, как «Иванов – человек», не рассматривается нами в естественном языке как аналитическое, хотя в нем субъекту приписывается свойство, которое однозначно является для него необходимым (т.е. присутствующим ему во всех возможных мирах)¹⁰.

Однако в (10) мы наблюдаем иную картину. Здесь, хоть и снова упоминается конкретный индивид, тот факт, что при этом используется условная конструкция, неизбежно предполагает, что соответствующее предложение содержит оператор, вводящий квантификацию по ситуациям [Kratzer, 1981]. Согласно классическому анализу Кратцер, в логической форме условного предложения предполагается вхождение не всегда произносимого оператора по ситуациям, для которого условная клауза выступает в качестве ограничителя сферы

¹⁰ В концепциях С. Крипке [Kripke, 1972] и Х. Патнэма [Putnam, 1973] такое утверждение («Иванов – человек»), видимо, следует считать случаем аналитического апостериори, т.е. все еще аналитическим. Здесь мы лишь обратим внимание на то, что, с этой точки зрения, утверждение «Холостяк – неженатый мужчина», по-видимому, тоже должно быть апостериорным (ибо значение нефункциональных терминов в этом предложении нам не дано априорно так же, как и в утверждении «Иванов – человек»), однако указанные два предложения воспринимаются совершенно по-разному: первое интуитивно воспринимается как аналитическое, а второе – нет. Более детальное обсуждение данной проблематики выходит за рамки этой статьи, и мы оставляем его для отдельного, более подходящего случая.

действия. Логическая форма предложения (10), согласно данному подходу, будет примерно такой, как показано в (13):

- Всякая ситуация s' , совместимая контекстуально релевантным образом с ситуацией произнесения, и такая, что в s' Джек – холостяк, является частью (большей) ситуации s'' , в которой Джек не женат.

Здесь мы снова видим, что предлагаемое в главном предложении описание относится не к ситуации оценки, а другим ситуациям, а именно тем, по которым осуществляется квантификация, предполагаемая условиями истинности условной конструкции.

Делается утверждение о соотношении ситуаций: каждая ситуация, в которой Джек – холостяк, оказываются подчастью ситуации, в которой Джек – неженатый мужчина. Условные утверждения, в силу этой своей структуры, предполагают наличие определенных (утверждаемых) закономерностей или зависимостей между ситуациями. Иными словами, они кодируют соотношение двух типов ситуаций. Такие конструкции предполагают, что контекстуально подразумеваемый закон распространяется на соотношение двух типов ситуаций, а не на особенности составных элементов ситуаций одного и того же типа. Поэтому тот факт, что каждый раз речь идет об одном и том же индивиду Джекe, здесь не делает предполагаемый закон менее правдоподобным¹¹.

6. Заключение

В данной статье было проведено критическое рассмотрение утверждений Карнапа о семантической структуре аналитических истин. В рамках предложенного лингвистического анализа было показано (с опорой на уже существующие лингвистические концепции, а также с использованием новых аргументов), что семантическая структура (логическая форма) аналитических истин всегда подразумевает наличие квантора по ситуациям и что, соответственно, описание, предполагаемое в аналитическом утверждении, не распространяется обязательным образом на ситуацию ее оценки (или только на нее). Учет этого обстоятельства позволяет не только решить ряд установленных выше проблем в интерпретации аналитических истин, но и выработать более последовательное понимание различных типов аналитических утверждений: как тех, что имеют вид простых субъектно-предикатных предложений, так и условных конструкций.

¹¹ Более детальное исследование и обсуждение данной проблематики также выходит за рамки статьи, и мы оставляем его для будущих исследований.

Список литературы

Вострикова, Куслий, 2016 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Открывая логический анализ языка заново // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 8–20.

Карнап, 1959а – *Карнап Р.* Значение и необходимость. М.: Иностранка, 1959.

Карнап, 1959б – *Карнап Р.* Постулаты значения // Значение и необходимость. М.: Иностранка, 1959. С. 321–330.

Карнап, 1959в – *Карнап Р.* Значение и синонимия в естественных языках // Значение и необходимость. М.: Иностранка, 1959. С. 334–352.

Куайн, 2000 – *Куайн У.В.О.* Слово и объект. М.: Логос, 2000.

Куайн, 2005 – *Куайн У.В.О.* Еще раз о неопределенности перевода // Логос. 2005. № 2 (47). С. 32–45.

Куайн, 2010 – *Куайн У.В.О.* Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 45–80.

Фреге, 2000а – *Фреге Г.* Исчисление понятий, язык формул чистого мышления, построенный по образцу арифметического // *Фреге Г.* Логика и семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 65–142.

Фреге, 2000б – *Фреге Г.* О смысле и значении // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

References

Burton-Roberts, 1977 – Burton-Roberts, N. “Generic Sentences and Analyticity”, *Studies in Language*, 1977, vol. 1, pp. 155–196.

Carnap, 1952 – Carnap, R. “Meaning Postulates”, *Philosophical Studies*, 1952, vol. 3, pp. 65–73.

Carnap, 1955 – Carnap, R. “Meaning and Synonymy in Natural Languages”, *Philosophical Studies*, 1955, vol. 6, pp. 33–47.

Carnap, 1988 – Carnap, R. *Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic*, vol. 30, University of Chicago Press, 1988.

Cohen, 2001 – Cohen, A. “On the Generic Use of Indefinite Singulars”, *Journal of Semantics*, 2001, vol. 18, issue 3, pp. 183–209.

Frege, 1948 – Frege, G. “Sense and Reference”, *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57 (3), pp. 209–230.

Frege, G. *Ischislenie ponyatiy, yazyk formul chistogo myshleniya, postroennyy po obraztsu arifmeticheskogo* [Begriffsschrift: eine der arithmetische nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens], in: G. Frege. *Logika i logicheskaya* [Logic and Logical Semantics]. Moscow: Aspekt Press, 2000, pp. 65–142. (Trans. into Russian)

Heim, Kratzer, 1988 – Heim, I., Kratzer, A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.

Kratzer, 1981 – Kratzer, A. “The Notional Category of Modality”, in: H.-J. Eikmeyer & H. Rieser (eds.), *Words, Worlds, and Context*, vol. 6, Walter de Gruyter, 1981, pp. 38–74.

Kratzer, 1986 – Kratzer, A. “Conditionals”, *Chicago Linguistics Society*, 1986, vol. 22 (2), pp. 1–15.

Kratzer, 1991 – Kratzer, A. “Modality”, in: A. von Stechow & D. Wunderlich (eds.) *Semantics: An International Handbook of Contemporary Research*. Berlin: de Gruyter, 1991, pp. 639–650.

Krifka, 2013 – Krifka, M. “Definitional Generics”, in: M. Alda; C. Beyssade; and F. del Prete (eds.) *Genericity*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 372–389.

Kripke, 1972 – Kripke, S. “Naming and Necessity”, in: *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Springer, 1972, pp. 253–355.

Lewis, 1975 – Lewis, D. “Adverbs of Quantification”, in: E. Keenan (ed.) *Formal Semantics of Natural Language*. Cambridge University Press, 1975, pp. 3–15.

Montague, 1973 – Montague, R. “The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English”, in: J. Hintikka, J. Matthew, E. Moravcsik, and P. Suppes (eds.) *Approaches to Natural Language*. Dordrecht: Springer, 1973, pp. 221–242. Reprinted in: P. Portner and B. Partee (eds.) *Formal Semantics*. Oxford: Blackwell, 2002, pp. 17–34.

Putnam, 1973 – Putnam, H. “Meaning and Reference”, *The Journal of Philosophy*, 1973, vol. 70, no. 19, pp. 699–711.

Quine, 1951 – Quine, W.V.O. “Two Dogmas of Empiricism”, *Philosophical Review*, 1951, vol. 60, no. 1, pp. 20–43.

Quine, 1960 – Quine, W.V.O. *Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1960.

Quine, 1981 – Quine, W.V.O. *Mathematical Logic*. Cambridge, 1981 (1940).

Quine, 1987 – Quine, W.V.O. “Indeterminacy of Translation Again”, *The Journal of Philosophy*, 1987, vol. 84 (1), pp. 5–10.

Russell, 1905 – Russell, B. “On Denoting”, *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Russell, 1957 – Russell, B. “Mr. Strawson on Referring”, *Mind*, 1957, vol. 66, no. 263, pp. 385–389.

Strawson, 1950 – Strawson, P.F. “On Referring”, *Mind*, 1950, vol. 59, no. 235, pp. 320–344.

Vostrikova, E., Kusliy, P. “Otkryvaya logicheskii analiz yazyka zanovo” [Rediscovering the Logical Analysis of Language], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 8–20. (In Russian)